

АНДРЕЙ КИВИНОВ

МЕНТЫ

Андрей Владимирович Кивинов
Петербургский презент
Серия «Улицы разбитых
фонарей», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128868

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Кивинов

Петербургский презент

ПРОЛОГ

– Знаешь что, голубь мой, ты мне здесь кончай свою самодетельность. Что, заняться нечем? Так я тебе быстро работу найду, чтоб глупости всякие в голову твою распрекрасную не лезли.

– Павел Андреевич, но ведь это же не кражонка и даже не гоп-стоп. Мокруха. Человек мой сам видел, как мужика под мышки из подъезда вытащили и в машину затолкали. А в подъезде том потом квартира выгорела, и в ней еще одного нашли.

– Ты что, детективов начитался, про шпионов? У мужика, может, с сердцем плохо было, а в квартире пьяница уснул в постели да хабарик потушить забыл, а ты сразу – Мокруха, Мокруха. Паникер.

– Да не бывает таких совпадений.

– Ты сколько в розыске работаешь? Год? А я двадцать лет. Каких только совпадений не насмотрелся. Так что сиди со своей информацией и помалкивай. Даже если там и мокруха, то терпилу с нашей земли увезли и найдут точно не у нас. А что мочканули его здесь – это еще доказать надо. Вот ко-

гда докажут, тогда и будем дергаться.

– Так потом поздно будет дергаться. Время-то уйдет.

– А что ты предлагаешь? Глухаря возбудить вечного? У нас и так полный завал, только Мокрухи не хватало. Есть у тебя чем доказывать, кроме слов барабана твоего? Нет. Да и он не будет ни под чем подписываться. Кончай волну гнать, думай прежде.

– А может, потом ребятам позвонить, ну, туда, где труп найдут?

– Ты, видно, сегодня точно малость того. Пинкертон районный. Они же этот труп нам и спихнут. Не вздумай брякнуть кому-нибудь и человеку своему скажи, чтоб помалкивал.

– Он и так помалкивает.

– Вот-вот. Пусть не треплет. А мне ты ничего не говорил и сам ничего не знаешь. Понял? А чтобы ты лучше мои слова запомнил, я тебе пару материальчиков по кражам отписал. Все, ступай. Хотя подожди. Мужик точно готовый был?

– Человек сказал, что да.

– Ну, значит, они его спрячут капитально – не всплывет, а если и всплывет, то не скоро. Так что не переживай. А с материалами не тяни, там и так все сроки вышли. Да и этот, по пожару, отказывай. Мужик сгоревший, кажется, без видимых повреждений? Ну и все, завтра в архив. В прокуратуре я подпишу. И не ломай голову – сломаешь, шапку не на чем носить будет. Ха-ха. Все. Свободен.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

За окнами моросил мелкий противный дождик. Сентябрь выдался на редкость непогожим, выходить на улицу не хотелось совершенно. Оперуполномоченный уголовного розыска 85-го отделения милиции Кивинов сидел за столом, ломая голову над сложнейшей загадкой пропажи паспорта у пенсионера. Из заявления, оставленного пенсионером, следовало, что воры – паразиты – стащили паспорт в троллейбусе, где он (пенсионер) имел удовольствие ехать. Денег почему-то не взяли, а на паспорт позарились. Каковы, а? Оставили человека без документов. Впрочем, загадка решалась легко. Увеличились штрафные санкции за потерю паспорта, и сумма штрафа теперь представляла собой довольно внушительную цифру. А посему уголовный розыск был завален заявлениями о кражах паспортов. Ведь если паспорт свистнули, значит штрафик платить не надо. Нас не проведешь, знаем, что к чему.

Напротив Кивинова на диванчике, пуская в потолок кольца «беломорного» дыма, развалился опер Дукалис. Кольца поднимались вверх, превращались в изогнутые восьмерки, приобретали совсем неправильные геометрические формы и

расплывались по кабинету.

– Толян, завязывай курить, – поморщился Кивинов. – Уже не лето, не проветришь.

Дукалис загасил папиросину о каблук и бросил окурок за диван.

– Чего ты разворчался? Спал плохо, что ли?

– Паспорта эти достали. Только бумагу переводим.

– А может, их и вправду воруют? Может, советский паспорт теперь представляет историческую ценность?

Кивинов еще раз чертыхнулся.

– Вообще-то, карманы сейчас каждый день трещат, – продолжал Дукалис. – И ты погляди, самое обидное, что работают-то не на нашей земле, а у метро. А пропажу люди обнаруживают либо дома, либо в транспорте и бегут в наше отделение. И никуда не денешься, приходится принимать эти заявки – преступление регистрируется по месту обнаружения, а не совершения. Обидно.

– Да брось ты. Мы, что ли, материалы ни разу не футболили? А карманных краж действительно многовато. Кстати, ты Витьку Кузнецова знаешь, ну, из 84-го? У него на территории универмаг находится. Так там как-то кражи карманные пошли, каждый день по три-четыре штуки. Никак вора поймать не могли. И Главк ловил, и 84-е – ну, никак, глухо, как в танке. Витька тогда взял да теще своей в карманы и в сумку рыболовных крючков навшивал и в универмаг отправил гулять, варежкой хлопать и дурочку деревенскую

изображать. Походила она денек-другой, а на третий и поймала на крючки свои злодея. Он ей руку в пальто запустил, кошелечек хватать, а из кармана вынуть и не может, дурик, – больно. Теща в крик, подбежали граждане, в общем, завалили мужичка. Самое смешное, им прапор военный оказался. Он для конспирации прямо в форме щипал. Витьку тогда, конечно, потаскали: мол, незаконными методами с преступностью борешься, нехорошо. Хотели даже уволить. Да теща, молодец, его спасла. Накатала жалобу в Москву – мол, я свободная женщина, живу в свободной стране, и это мое личное дело – вшивать крючки в карман или нет. Может, мне так нравится. А если всякие паразиты, позорящие советскую армию, лазают по чужим карманам, то причем тут мой зять? Одним словом, обошлось. Но Витьке указали, чтобы с такими экспериментами он завязывал.

– Да, инициатива наказуема. Слушай, может, сходим перекусим? Бумаги не убегут. Уже обед.

Кивинов откинулся на стуле.

– Мысль интересная. Только куда идти? В таксопарке вчера столовка на ремонт закрылась. А на Ленинском в тош-ниловке совсем готовить разучились, да и дорого там.

– Но жрать-то где-то надо. Пошли в подвал, в кооператив или еще куда.

– Сейчас решим.

Кивинов открыл стол, достал самодельный дротик с иголкой вместо острия и бумажным оперением и не целясь мет-

нул в схему отделения, висящую на стене над диваном. Игла впиалась в проспект Стачек.

– Ну-ка, глянь, куда попал?

Дукалис посмотрел наверх.

– В библиотеку. Кстати, там сейчас открылась... как ее, черт, не выговорить... В общем, на «Петер» начинается, на «гер» кончается.

– А, «Петербургерная».

– Точно. Говорят, ничего. Можно сходить на разведку. Правда, у меня с деньгами туговато. Одолжишь?

Кивинов вытащил из кармана бумажник, раскрыл и почесал затылок.

– Да, собрались в столовую. Надо хоть для приличия в кошел,,к, как теща Кузнецова, крючков навшивать. Тут даже на компот не хватит. Черт, когда зарплату-то в конце концов заплатят – надоело за идею тут торчать. Может, у Каразии стрельнуть?

– Он уехал куда-то с Петровым. Сейчас Волков должен вернуться, у него займи – он всегда при деньгах. Не иначе взятки берет, супонец.

Кивинов снова принялся изучать бумаги. Дукалис закрыл глаза.

В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – отозвался Кивинов, надеясь, вдруг ему кто принес обед или взятку. Дукалис даже бровью не повел. Ко-му какое дело, ну, лежит человек, никому ведь не мешает,

будьте любезны внимания не обращать.

Дверь распахнулась, и глазам оперов предстал гражданин Крылов – лицо без определенного места жительства и занятий, которого пару лет назад Кивинов по доброте душевной приютил в своем кабинете. Иногда он даже разрешал Крылову понежиться на диване.

Последний раз Крылов появлялся у Кивинова в начале лета, потом куда-то нырнул и вот объявился снова. Значит дело близится к зиме. Верная примета – БОМЖи потянулись к теплым местам. За лето Толик отпустил роскошную бороду и усы, но зато потерял последние зубы. Может, поцеловал в драке чей-нибудь ботинок, а может, они и сами повывапали от цинги. Эта болезнь, кстати, широко распространена не только среди полярных исследователей, но и в среде петербургских БОМЖей. На Крылове была надета белая кепочка, модная курточка малинового цвета с торчащей из дыр ватой и следами голубиного помета, из чего можно было сделать вывод, что минувшую ночь он провел на чердаке, зеленые брюки, разошедшиеся по шву, и замечательные китайские кроссовки, плохо, что от разных пар и, кажется, обе левые. Крылова состояние его одежды немало не смущало. Он улыбнулся беззубым ртом и поприветствовал:

– Здорово, начальники. Как вы тут?

– О, БОМЖ Иваныч! Привет. Заваливай. Прекрасно выглядишь. Где тебя полгода носило?

Крылов присел на диван, расстегнул куртку, из-под кото-

рой выглянула рваная тельняшка, почесал грудь и произнес:

– В области, в церкви пристроился, сено косил.

– Что, прямо в церкви?

– Не, в поле, но поле церковное. Ничего, жить можно – харчи были, ночлег тоже.

Дукалис привстал и пересел на другой край дивана, подалше от Крылова.

– Так, а сейчас, видно, сенокос закончен, и дело близится к зиме, поэтому ты и объявился. Подвал-то уже забронировал какой-нибудь?

Крылов вздохнул.

– Пожрать ничего нет? Или чаю хоть?

– Ну вот, еще один голодающий. Толян, мы сами на го-спайке. Погоди, сейчас Слава придет, сходим заглотим по «петербургеру».

– Там приличное место, – произнес Дукалис, – в таком виде с ним стыдно идти.

Крылов опять вздохнул, достал мятую пачку дешевых сигарет, разломил одну и прикурил. Зазвонил телефон. Кивинов взял трубку.

– Андрюха, это Волков. Я тут зависаю, передай Георгичу, что через пару часов приеду.

– Хорошо, передам.

Кивинов повесил трубку.

– Черт, пообедали. Это Волков, через два часа только за-явится.

– Непруха сегодня. Мне что-то во всем с утра не везет. Чувствую, какая-нибудь зараза приключится.

– Не каркай. Скажи лучше, где жрать будем. Ну, Толян, у тебя и видуха. Типичный представитель исторической общности людей, так называемого советского народа. Где такой клифт оторвал?

– В церкви монах один подарил. А что, его еще носить и носить. Дыры только зашить.

Кивинов внимательно посмотрел на Крылова, усмехнулся и загадочно произнес:

– Я, кажется, знаю, как нам перекусить. Есть идея. Что-то типа крючков.

Спустя полчаса Дукалис и Кивинов с деловым видом зашли в зал кафе «Петербургеры» и, непринужденно беседуя, пристроились к очереди, состоящей из трех человек. Еще человек пять сидели за столиками зала. Как только очередь подошла и Кивинов открыл рот, чтобы сделать заказ, в зал влетел Крылов в надвинутой на глаза белой кепочке, выхватил из кармана пистолет и с ужасной гримасой на лице почти киношному прохрипел:

– Всем стоять! Это ограбление! Кто шевельнется – пришью! Эй, ты, курица, бабки давай из кассы своей и шевелись, шевелись, я не шучу. Ух!

На пистолете поигрывали блики от цветных ламп кафе, так что ни у кого даже малейшего сомнения не возникло в том, что это может быть фальшивка. Для убедительности

Крылов передернул затвор. Девушка за стойкой побледнела и цветом лица стала похожа на белый соус петербургера. Официантка в зале выронила поднос.

Крылов, вытирая рукавом нос, повторил:

– Я что, не ясно сказал? Давай бабки, живо!

Девушка протянула руку к кассе. Сидящие в зале замерли на своих местах, даже жевать перестали от неожиданности. Крылов угрожающе хмурился. Кивинов подмигнул Дукалису. Тот резко развернулся и прямым ударом в грудь опрокинул Крылова на пол. Пистолет отлетел к ногам Кивинова. Он поднял его и сунул в карман куртки. Дукалис уже сидел на дергающемся Крылове и заламывал ему руки за спину.

– Милицию, милицию надо вызвать, – засуетились граждане обедающие.

– Мы сами милиция, – ответил Кивинов, махнув «ксивой». – Спокойно, 85-е отделение.

Через минуту, приподняв «грабителя» за шиворот, опера вывели его из кафе. Крылов при этом угрожающе шипел и кричал, что он вор в законе и, придя с зоны, всех посадит на перо. Пройдя метров десять, он уgomонился.

– Молодец, Толян. Ты прирожденный артист. Хочешь совет? Вставь зубы и езжай в Голливуд. Думаю, через год ты получишь «Оскара» за лучшую роль второго плана. Хотя тебе опасно его давать – пропьешь где-нибудь в пивной. Все, дуй в отделение, посиди там в сортире, мы скоро вернемся.

Постояв минут пять под мелким дождиком, Дукалис и Ки-

винов вернулись в кафе, где были встречены улыбающейся продавщицей, официанткой и импозантным мужчиной с бабочкой, вероятно, администратором, а может, даже и самим директором.

– Ой, ребята, какие вы молодцы. У него же пистолет настоящий. Я до сих пор в себя прийти не могу. Кошмар! Как в Америке. А он не вернется?

– Вряд ли, если только лет через семь.

– Слава богу. А вам самим не страшно?

– Это наша работа. Зашли к вам перекусить, а тут такое.

– Проходите, проходите. Вам что, петербуржеры? С каким соусом – красным, белым? Кофе не хотите? Коньячку?

Дукалис изучал меню.

– Мне «Невский» с красным.

– Мне тоже. И два кофе. Да еще один «Невский» с собой, у нас там коллега дежурит.

Через минуту все было на столе. Дукалис похлопал по карманам куртки и удрученно произнес:

– Черт, кажется, кошелек потерял, пока придурка этого тащили.

– И я свой оставил. Простите, ничего, если мы попозже деньги принесем?

– Какие деньги, ребята?! – воскликнул мужчина с бабочкой. – Ну о чем вы говорите?! Ешьте на здоровье. А все говорят – какая у нас милиция плохая. И пожалуйста, заходите в любое время. Сейчас редко встретишь порядочных людей.

Еще минут пять попев дифирамбы славным операм, администратор наконец удалился.

Основательно закусив, улыбнувшись на прощание девочкам за стойкой, Кивинов и Дукалис вышли из кафе и двинулись в отделение.

– А что, выгодное дело, если зарплату платить не будут, придется все время так обедать. Сколько у нас еще кабаков? Где-то штук шесть? На неделю хватит. Потом придется на соседнюю землю перебираться.

– Рискованно, – ответил Кивинов. – Местные могут возбухнуть. Может, и они так же обедают, как мы сейчас. Перебьем халяву.

В отделении опера торжественно вручили Петербургер Крылову, ждавшему их в условленном месте. После чего опера направились в дежурную часть. Там, за столом дежурного, суетился начальник уголовного розыска Олег Георгиевич Соловец. Он рылся в ящиках, выгребая оттуда кучи древнего хлама. Сам дежурный кого-то вызывал по рации.

– Где вас черти носят? – при виде оперов недовольно буркнул Соловец. – У нас труп, а на месте нет никого.

– Мы обедали, Георгич.

– Договаривались же, чтобы кто-нибудь, когда все уходят на обед, оставался в отделении.

– Ладно, больше не будем. Что там за труп?

– Еще не знаю. Граждане позвонили. В Красненькой всплыл. Похоже на нашей земле, вернее, воде.

– Так, может, он не криминальный? Сам утонул. Мало ли утопленников? Нажрался да в реку упал, – заметил Кивинов.

– Сегодня день несчастливый, – возразил Дукалис. – Чувствую, Мокруха там.

– Опять каркаешь, оракул.

– Во, нашел, – воскликнул Соловец, доставая из стола дежурного «кошку» с привязанной к ней веревкой. – Я же помню, была здесь, Все, кончайте спорить. Андрей Васильевич, возьми бумагу и пошли.

Минут через десять все трое стояли на берегу речки Красненькой и обзревали раскинувшуюся перед ними перспективу. Речка была неширокой, всего метров пять, и служила границей между территориями 84 и 85-го отделений. Поэтому всякий раз, когда поступали заявления о происшествиях в районе речки, между отделениями возникал неизменный спор на предмет, кому разбираться. Выигрывало (или проигрывало), как правило, то, куда первым приходил заявитель,

– Вон он, в кустах, – закуривая любимый «Беломор», заметил Соловец.

– Черт, как раз посередине. Как будем с 84-м разбираться?

– Не, похоже, он наш.

– Сейчас узнаем, – сказал Дукалис, – все ведь предусмотрено.

Он поднялся на железный мостик через речку и встал ровно посередине, там, где во избежание конфликтов с соседями замполит 84-го отделения собственноручно провел яр-

ко-красной краской жирную черту-границу. Перегнувшись через перила, Дукалис сплюнул в воду.

– Черт, я же говорил, не везет сегодня. Метр, не больше, до границы. Наш жмурик.

На противоположный берег вырулил УАЗик 84-го отделения. Из него выскочил опер Кузнецов и водитель.

– Ну, что там? Где он?

– Вон, – показал Дукалис. – Везет вам. Если бы не этот чертов кустик, к вам бы приплыл.

В этот момент подул легкий ветерок, и тело, плавающее в воде, чуть покачнувшись, медленно переплыло на территорию 84-го отделения.

– Во, теперь он ваш, – радостно констатировал Дукалис. – Андрюха, бери бумагу и пиши протокол. Так, понятых, понятых срочненько. Быстро, Кивиныч, пока ветер не стих. Ну что ты ждешь!

– Так нечестно, – запротестовал Кузнецов. – Заявка к вам пришла, вы и разбираться должны.

– Ишь ты, какой ловкий. Вон, линия краской специально нарисована. Гляди.

– Дукалис еще раз плюнул вниз. – Ну что, видал?

Кузнецов озадаченно почесал голову и в растерянности посмотрел на водителя.

В эту секунду ветер стих, и течение снова переместило тело за границу.

– Ага! – в свою очередь обрадовался Кузнецов. – Хитрый

какой! Нет, ребята, мы поехали. Это ваш боец.

– Да погоди, погоди. Сейчас ветер подует. Вон, видишь, он галстуком за куст зацепился.

Кузнецов к тому времени уже спустился с моста и наблюдал за телом с берега.

Но тут тело, описав вокруг куста круг радиусом в один галстук, вдруг отцепилось и, несомое течением, причалило к берегу 85-го отделения, положив конец всем спорам. Кузнецов довольно улыбнулся и, сложив руки над головой в позжати, поздравил своих коллег с такой неудачей.

– Тьфу, – сплюнул Дукалис. – Ну, точно невезет. Наверняка еще и с дыркой где-нибудь.

Кивинов с Соловцем подбежали к утопленнику, осторожно ухватили за куртку и вытащили на берег. Перевернув его лицом вверх, они просю остолбенели.

– Мама миа, кто ж его так? Трактором, что ли, ему по роже проехались?

Вместо лица у утопленника было какое-то сплошное месиво. Слава богу, хоть без крови – труп, по-видимому, довольно долгое время лежал в воде. Но все равно зрелище не особенно возбуждало – лицо превратилось в белый фарш, другое слово и подобрать трудно. О том, что это голова, а не какая-нибудь другая часть тела, свидетельствовало лишь наличие волос.

– Между прочим, Толян, ты, как настоящий полицейский, должен оказать ему первую помощь. Ну-ка, быстренько ис-

кусственное дыхание изобрази. Рот-в-рот. Платочек дать?

– Надо сначала найти, где у него рот.

Со стороны этот диалог оперов мог показаться весьма циничным. Но только со стороны. В тесном кругу оперов подобные шуточки были вполне обычной вещью. Иногда при осмотре трупов остроты сыпались без перерыва – опера замолкали только в том случае, если подходили посторонние или родственники покойного. А что делать? Смешное и страшное почти всегда рядом, а иногда даже переплетаются. И если воспринимать ситуацию односторонне, то можно просто свихнуться, особенно на такой работе, где каждый день встречаешься со смертью. Особенность острить при виде мертвецов замечается, кстати, не только среди сотрудников милиции, но и среди врачей, пожарных и работников морга.

– Не иначе в Красненькой пираньи завелись, – сморщившись пробормотал Соловец. – Надо куртку расстегнуть.

Утопленником оказался мужчина лет тридцати, худощавого телосложения, черноволосый. Особых примет на лице обнаружить, естественно, не представилось возможности.

Одет он был в короткую черную куртку, джинсы, ботинки. Под курткой виднелась светлая рубашка с галстуком, фасон которого давным-давно вышел из моды.

Дукалис расстегнул молнию.

– О, черт!

На светлой рубашке в районе сердца красовалось бурое

пятно с отверстием в центре. Мужчина был застрелен.

– Точно в яблочко, – заметил Кивинов. – Не мучал-ся. Кто ж так метко бьет?

Соловец посмотрел на свет полу куртки.

– Вот дырка. И стреляли вроде не в упор. Да, выстрел мастерский. Толик, посмотри, что у него в карманах. Может, документы найдутся?

С процессуально-законной точки зрения данные указания, если выразиться помягче, были некорректными. Вытаскивать тело из воды до приезда экспертов и так являлось грубым нарушением, не говоря уже о том, чтобы шмонать по карманам. Но как любил повторять Соловец: «Бросьте вы эти условности, в нашем деле главное – быстрый старт».

Дукалис, будучи по природе парнем не безгловым, присел на корточки и выгреб содержимое карманов, предварительно освободив их от тины, мелких ракушек и случайно заплывших пиявок.

Кивинов поднялся с колен и огляделся. «Интересно, почему эта речка называется Красненькой? Совсем не подходящее название».

Черная вода речушки текла меж двух не менее черных берегов, на которых валялись какие-то бетонные сваи, обломки деревянных и пластиковых ящиков, куски ржавой арматуры. Тут же возвышались кучки щебенки, гравия, угля и песка. Веселая картинка. Ветер перекачивал от кучи к куче бумажные стаканчики, поднимал в воздух обрывки бумаги,

окурки и прочий мусор.

«Да, – подумал Кивинов, – это скорее не Красненькая, а Черненькая речка. Надо было так и назвать. Хотя нет, Черная уже есть, это там, где Пушкина убили. Представляю, что там творится. Хотя дело не в названии».

– Ничего нет, – сказал наконец Дукалис. – Пусто.

– А кто его заметил? Надо бы опросить.

– Мужик какой-то милицию вызвал, – пояснил Соловец. – Звонил с кооперативной стоянки, сторож, наверно. А, вон идет кто-то, может, он?

– Вряд ли это сторож. Это какая-то ходячая фабрика по переработке спиртного. И судя по лицу, спирта сквозь него протекло больше, чем воды в этой речке.

Мужчина подошел к операм и, с трудом затормозив, произнес:

– Точно утопленник. А я думаю – вызывать милицию, не вызывать. Правильно сделал, что вызвал. Вы не знаете, не приезжали еще?

– Мы и есть милиция, – ответил Соловец. – Значит, это вы его обнаружили?

– Я.

– А чего вас сюда занесло?

– Так я бутылки из речки ловил. Вон в тех кустах я сачок прячу. Там, чуть вверх по течению, их часто в воду выбрасывают. А тут кусты – они и задерживаются. А я ловлю.

– Понятно. Давно его заметили?

– Да с час назад.

– Ясно. Посидите где-нибудь в сторонке, только не уходите. Вас допросят.

Мужичок, забрав сачок, отошел в сторону.

– Рыбачок, твою мать, – проворчал Соловец. – Вы-ловил «глухаря». Толик, сходи, отзвонись дежурному, мы пока мужика осмотрим.

Дукалис ушел звонить, а Кивинов с шефом снова склонились над мужчиной.

Карманы были уже вывернуты. Содержимое представляло собой обычный дежурный набор – расческа, дешевый кошелек с мелочью, пара ключей на кольце, грязный платок. Явно недостаточно, чтобы установить личность покойного. Правда, в кошельке среди бумажных рублей спрятался клочок бумаги с телефоном, написанным вертикально, то есть сорванным с объявления.

– Хоть что-то, – промолвил Соловец. – Ты все wygrеб?

– Ну, если только у него в носках еще что-то завалилось...

– Смотри-ка, вот здесь, видишь, возле большого пальца пять точек?

– Судимый?

– Точно. Зоновская наколка.

– Ну, тогда проблем нет. Через пару дней будем знать, что это за ныряльщик.

– Да, если он питерским судом осужден.

Вернулся Дукалис.

– Следак прокурорский выехал с экспертом. Медик попозже будет.

– Подождем.

– Это чья территория?

– Петрова.

– Андрей Васильевич, помоги Мише. У тебя сейчас материалов немного.

– Хорошо. Ты только паспорта эти ворованные участковым отписывай. Что они, разобраться не смогут, что ли? Не глупее нас.

– Добро. Толик, перезвони еще раз в отделение, пусть установят этот телефончик.

Дукалис снова ушел звонить. Соловец достал «Беломор», прикурил и присел на валявшийся неподалеку ящик. Кивинув опустил на корточки и стал рассматривать убитого.

– Интересно, как его сюда принесло? Красненькая километра четыре по Красносельскому району течет. Неужели его раньше не заметили?

– Может, его здесь выкинули?

– Вряд ли. На нашей земле к речке не подъехать – сплошные заросли.

– В принципе, ничего удивительного. Мне как-то рассказывали, как утопленники находятся. Вылавливает, к примеру, водная милиция в финском заливе жмурика и буксирует его в чьи-нибудь территориальные воды, где и вызывает местных. Вот, мол, у вас нашли. А те, не будь дурака-

ми, бутылку водникам дают и предлагают протащить пловца чуть подальше, на территорию соседнего отделения. Там тоже не дураки сидят, тоже бутылку предлагают. В итоге покойник, нырнувший в финский залив, «всплывает» где-нибудь в Фонтанке. Но как он у нас оказался, ума не приложу.

– Ну, что расселись? – раздался сзади недовольный голос. – Второго пловца ждете?

Сидевшие обернулись. Над ними возвышался непонятно откуда взявшийся опер 22-го убойного отдела Главка Гриша Борисов.

– Свидетелей опросили? Обход сделали? – продолжал он. – Вас что, все время погонять надо?

– Гриша, ты откуда здесь?

– Рыбку тут ловлю, на «живца». Заявка по «02» прошла, нам тоже передали. Сделали что-нибудь? Кто его обнаружил?

– Вон дядька с сачком сидит. Он и выловил, вместо бутылки.

Борисов, подняв воротник плаща и надвинув на глаза кепку, с самым серьезным видом направился к ловцу бутылок.

– С чего он такой злой сегодня? – спросил Кивинов.

– А, – махнул рукой Соловец, – выговор на днях схлопотал. Ты что, не слышал? Подвыпил, зашел в тир пневматический. Там пацаны из «воздушек» палят. Гриша тоже попробовал. Стрелял, стрелял, рублей сто спустил, а никуда не попал. Разозлился, что за винтовки у вас, говорит, никуда не

годятся на хер. Достал свой «Макаров» и давай по мишеням палить. Тирщик с перепугу на пол хлопнулся. Пацаны разбежались. Кто-то милицию вызвал. Гришу тормознули. Ну, потом разобрались, конечно.

– Так а выговор-то за что? Ну пострелял человек, обычное дело.

– Выговор за то, что он и из «Макарова» ни в одну мишень не попал.

– А, тогда правильно. Это же позор, никакой профпригодности.

Вернулся Дукалис.

– На Долгом озере телефон. На какого-то Штофмана записан.

– Ладно. Толя, оставайся здесь, дождись группу, а мы в отделение. Если что, звони, хотя вряд ли ты тут что-нибудь еще найдешь.

ГЛАВА 2

Волоколамское шоссе сверкало огнями вечерних фонарей. Поток машин создавал иллюзию сверкающей реки. Над Тушино сгустились осенние сумерки. Мелкий дождь заставил редких прохожих раскрыть зонты и ускорить шаг. Этот район Москвы не был престижным, и поэтому гуляющей и приезжей публики, в отличие от центра, наблюдалось немного. Выходящие из метро бегло, не задерживаясь, осматривали кооперативные ларьки, что-то покупали и, подгоняемые дождем, спешили по домам.

Человек в «Жигулях» перестроился в правый ряд, сбавил скорость и свернул во двор старого пятиэтажного дома. Подъехав к кочегарке, он заглушил мотор и погасил фары.

– Готов? – спросил он пассажира, сидевшего сзади.

– Сейчас.

Пассажир положил на колени дипломат, расстегнул, извлек из него детали винтовки и быстрыми, уверенными движениями собрал оружие.

– Все. Открой окно.

Водитель опустил стекло, пассажир положил ствол винтовки на спинку кресла, прицелился, подкрутил окуляр оптического прицела и снова прицелился.

– Нормалек, Как в аптеке. Когда он возвращается?

– В девять. По крайней мере, неделю с графика не сбивал-

ся. Жена в семь приходит, он – в девять. Минут через пятнадцать подвалит. Расслабься.

Пассажир откинулся на сидение и закрыл глаза. Водитель прикрыл окно, достал бинокль и, щурясь, начал всматриваться в дом.

– Он оттуда обычно подъезжает, так что нас не заметит. Приготовься, скоро время. У него «Мерс»-300-й.

Пассажир тряхнул головой, размял пальцы и вновь положил винтовку на спинку переднего сидения.

– Вон он. Ничего у него тачка. Сзади вышибалы его. До подъезда провожают.

«Мерседес» остановился возле дома. Из него вышел полный мужчина и в сопровождении двух телохранителей направился к подъезду.

– Не промахнись. Я в замок подъезда спичку сунул. Повозиться им придется. Как открывать начнет – валяй.

Пассажир молчал. Казалось, он даже перестал дышать. Левый глаз его был прикрыт, а правым он преник к окуляру прицела.

С виду снайпер был абсолютно спокоен – его волнение выдавала лишь капелька пота, стекавшая по виску. Водитель в свой бинокль продолжал следить за толстяком.

Звук тихого щелчка был слышен только в «Жигулях». Винтовка подпрыгнула на сидении, выплюнув в окно струю пламени. Полный мужчина на секунду замер в дверном проеме, покачнулся и рухнул на асфальт.

– В яблочко, – прошептал стрелок.

Водитель уже выводил машину со двора, колеса «Жигуленка» пронзительно взвизгнули на повороте. Охранники склонились над телом хозяина, пытаясь привести его в чувство. Потом один из них подбежал к машине и, схватив трубку радиотелефона, начал судорожно давить на кнопки. Капли дождя смешивались с кровью убитого, стекали на асфальт, вливались в поток бегущей воды и исчезали в канализационном люке.

– Московское время – 21 час, – возвестил голос диктора из включенного в машине радио. – В эфире – «Петербургский Презент».

Кивинов нажал кнопку дверного звонка одной из квартир дома 137-й серии. Дело происходило в районе новостроек санкт-петербургского района Долгое озеро. Петров по привычке занял положение справа от двери, сунув руку в карман.

– Кто там?

– Как бы вам объяснить? Это милиция. Хотелось бы поговорить с товарищем Штофманом.

– Штофман это я, но я не вызывал милицию.

– Сема, кто там? – послышался женский голос.

– Говорят, милиция. Меня.

– А зачем?

– Не знаю.

Кивинов понял, что, если не прибегнуть к решительным

мерам, они могут простоять у этой двери до второго пришествия.

– Вам письмо из Израиля. К нам случайно попало.

– Ах, вот в чем дело. Минуточку,

– И чего только не совершь в поисках правды. Парадокс, – шепнул Кивинов Петрову.

Дверь отворилась. На пороге стоял мужчина в каком-то абсолютно не пригодном для ношения одеянии. Из-за его спины выглядывала невысокая дама такого же неопрятного вида.

Кивинов помахал удостоверением перед лицом мужчины.

– Вот мои документы. Я так понимаю, Штофман это вы? Замечательно, пройдемте на кухню, есть разговорчик.

– А письмо?

– После.

– Ну, хорошо.

Кивинов прошел на кухню, вытащил из-под стола табуретку и сел.

– Миша, поговори с хозяйкой и объясни ей заодно насчет письма. Ну-с, как говорят бабульки, поболтаем. Вы у нас Штофман, а дальше?

– Семен Борисович.

– Отлично. Вот взгляните, Семен Борисович, это ваш телефончик?

Кивинов протянул Штофману клочок бумажки.

– Ну да, номер наш.

– А каким образом этот номерок оказался на этой бумажке?

– Не знаю.

– Вот тебе раз. Право, вы меня крайне озадачили. Придется решать задачу на Литейном. Знаете, там такой домик есть, с антенками?

Одно лишь упоминание Литейного почему-то оказывало на всех поистине магическое воздействие, хотя, как казалось лично Кивинову, слова «85-е отделение» звучали ничуть не хуже.

– А при чем здесь я? Да мало ли где я мог телефон записать? Попробуй сразу вспомни. За что же на Литейный?

– Не за что, а зачем. Вспоминать. Откуда в кармане застреленного мужчины оказался ваш телефончик. Слушайте, Семен Борисыч, скажите честно, это вы дяденьку одного застрелили? Вот этого.

Кивинов вытащил из кармана фотографию выловленного в речке мужчины и продемонстрировал ее, Штофману.

– О Господи, какой кошмар! А что у него с лицом?

– Рыбки объели. Он, видите ли, в речке плавал.

– Минуточку, – попристальней всмотревшись в фото, пробормотал Штофман. – Да, да.

– Что да, да? Вы хотите сказать, что это ваша работа? В таком случае примите поздравления. Вы меткий стрелок.

– Нет, нет, я хочу сказать, что мне знакома эта одежда. Эта куртка, галстук...

– Неужели? У него еще джинсы есть. Тут плохо видно.

– Да, ото он.

– Отлично. Я полон внимания. Давайте все про него. Данные, адрес, знакомые, в общем, все. Пока допустим, что это не вы его хлопнули.

– Что значит допустим? Хорошие допуски. А данных его я не знаю. Он к нам по объявлению приходил. Мы квартиру сдаем на Петроградской. Вот он и звонил. Я ему адрес дал, договорились о встрече. Он приехал, посмотрел квартиру, она ему не понравилась, он и уехал. Вот и все.

– Стоп, стоп, не гоните. Подробнее давайте. Я так понял, у вас есть еще одна квартира?

– Да, однокомнатная.

– И как давно был у вас этот мужчина?

– Ну, недели две-три назад. Я как раз за день до этого на площади Мира объявление повесил. На другой день – звонок. Так и так, хочу посмотреть комнату. Я дал адрес. Он приехал. Сказал, что из Москвы, хочет снять квартиру на длительный срок.

– Ну, и что же ему не понравилось? Цена?

– Как раз о цене разговора-то и не было. Я намекнул, что хотел бы восемьдесят долларов в месяц. Он сказал, что у него проблем с деньгами нет.

– А что ж тогда не остался?

– Видите ли, у меня там комната без мебели – одна раскладушка и табуретка. Вот он и говорит, что, мол, может и

по двести баксов отстегивать, но ему нужны условия – мягкая мебель, телевизор, телефон, ну и прочее. Поэтому ему у меня не понравилось. А за что его убили?

– А я-то откуда знаю? Раз убили, значит было за что. Хотя сейчас и просто так могут.

– Как мы живем? Убийства стали таким же обычным явлением, как аварии на дорогах. А почему? Раньше-то такого не было. А сейчас откройте газету – сегодня были убиты трое, вчера – четверо. И заметьте, это не какие-нибудь кухонные разборки, а профессиональные убийства. Насмотрелись всяких видиков, автоматы раздобыли и вот палят друг в друга. Все с этой демократии началось. Кому она нужна? А эти металлисты, рокеры, волосатики – на улицу не выйти.

– Ну, металлисты и рокеры тут ни при чем...

– При чем, при чем. Обвешаются цепями и шипами утыкаются, наслушаются музыки своей чертовой и бесятся с жиру. Я бы их всех ссылал куда-нибудь.

– Что убийств много, здесь вы правы, но проблема вовсе не в рокерах и металлистах. Это ведь не содержание, а форма, кураж. Если человек наряжен, как пугало, это еще ни о чем не говорит. Есть, конечно, и перегибы. Кстати, одна американская группа записала клип, в котором демонстрируются фотографии без вести пропавших детей. Так что никто этих ребят из группы не осудит за то, что они кольца в нос вставили или шипами обклеились. И если у человека имеется оружие, это вовсе не означает, что у этого человека злые

намерения. Ну, ладно, мы отвлеклись. Вы ничего больше не вспомнили про этого мужчину?

– Да вроде нет.

– Наличные он, случайно, не показывал?

– Нет, нет. Я еще подумал, откуда у него деньги, ведь одет-то он был неброско.

– А вы что, только по одежде о людях судите?

– Нет, но все-таки...

– Ладно. Вот мой телефон, если что-нибудь вспомните про этого парня, позвоните. Миша, пошли.

Петров вышел из комнаты, где беседовал с хозяйкой, и опера вместе покинули квартиру Штофмана. Кивинов вызвал лифт. Миша прикурил. Ждать лифта пришлось долго, видимо, кабина останавливалась на нижних этажах. Наконец створки раздвинулись. В этот момент дверь квартиры распахнулась, и Штофман, высунувшись на площадку, окликнул их:

– Стойте-ка. Я одну вещь вспомнил. Он, уходя, зачем-то предупредил, что, если кто его будет спрашивать, то он у меня не был. Странно, ведь я даже имени его не знаю.

– Он точно Москву упоминал?

– Да, да. Еще говорил, что метро у нас дешевле. Миллионер, а ездит на метро.

– Хорошо, если еще что-нибудь вспомните, звоните. До свидания.

Детский инспектор Волков дежурил по отделению, прини-

мая заявки граждан. Оформив пару краж паспортов, он поднялся из-за стола, потянулся и только было собрался прилечь на свой роскошный диван и передохнуть от дел мирских, как в двери постучались.

– Черт, опять, наверное, с паспортом. Достали, – проворчал он. – Войдите.

В кабинет зашел мужичок лет сорока пяти, одетый в ватник. На ногах его красовались валенки с калошами. Для сентября одежда была явно не по сезону.

– Можно? – скромно спросил он.

Волков кивнул на стул, а сам сел напротив.

– Слушаю.

– Вы знаете, я судимый. Последняя ходка за разбой. Двенадцать лет.

– Ого!.. Многовато.

– Там последствия тяжкие были. Но я – от звонка до звонка. Можно сказать, искупил. Освободился месяц назад. Пока сидел, мать умерла. Родни больше никого. Приехал, а в комнате нашей чужие люди уже живут. Я туда-сюда – ни денег, ни жилья. Пожрать и то не на что. Снова за старое браться не хочу. Не потому, что зоны боюсь, мне зона – дом родной, а потому, что по жизни не могу. Пытался на завод пойти – там прописка нужна. А в коммерцию тоже не сунуться – с моими заслугами сразу отшивают. Даже в сторожа не берут.

Мужик тяжело вздохнул.

– Вы мне можете в одном деле помочь? Снова на зону от-

править. Там хоть накормят да крыша есть. Плохая, конечно, но я привык, Я к вам сам потому и пришел, что не хочу больше грабить, а на свободе жить не могу.

Волков почесал затылок.

– Да, проблема. У нас, кажется, просто так не сажают. Надо что-нибудь совершить. Слушай, неужели тебя действительно приперло? БОМЖей знаешь сколько? А на зону никто не стремится. Ты, по-моему, перегнул. Вон, у нас опер-абха-зец тоже без жилья, снимает где может, но ничего – держится.

– Во где у меня все это, – мужик провел ребром ладони по горлу. – Что, не поможете? Значит, снова грабить?

– погоди, погоди, сейчас что-нибудь придумаем. Эка проблема...

Мужчина с надеждой посмотрел на Волкова. Тот помолчал с минуту, а затем произнес:

– Выйди сейчас из отделения. На углу лоток стоит. Там сигареты, жевачка, ну, в общем, дрянь всякая. Выбери, что подороже, схвати и беги, только не быстро, чтобы поймали. Тебя сюда и приведут.

– Так морду набить могут.

– Не набьют. Там наш помдеж сегодня халтурит, барахло это продает. Он парень спокойный, ты, главное, не дергайся, а то действительно почки отобьют. Влепят тебе лет пять, с учетом прошлого. И совесть твоя чиста, и на зону попадешь. Ну что, годится?

– Хорошо Только попросите следователя, чтобы арестовал сразу.

– Ладно. Без вопросов. Всегда за.

Мужчина поднялся, снова вздохнул и вышел из кабинета.

«Ну, дела, – подумал Волков, – называется, клиент созрел».

Дальнейший ход событий он наблюдал из своего окна.

Судимый подошел к лотку, посмотрел товар и, видно, не найдя ничего более подходящего, свистнул женские колготки. Помдеж подскочил со своего складного стульчика, в три прыжка догнал мужика, повалил его на землю, затем поднял и потащил в сторону отделения. Судимый не сопротивлялся.

– Ну, вот и все. Сейчас следователя вызовут, и поплывет товарищ в Лапландию, правда, без диких гусей.

Спустя где-то час в двери снова осторожно постучались. На пороге возник задержанный.

– А ты почему не в камере? – удивился Волков.

– Отпустили.

– Как отпустили?! Ты же грабеж совершил!

– Так и отпустили. Что за страна у нас? Даже в тюрьму нормально посадить не могут. Ну что мне делать?

– Ничего не понимаю. погоди, сейчас узнаем.

Волков набрал номер дежурного.

– Игорь, а следак уже уехал? Нет? Дай-ка его к телефону. Слушай, ты зачем мужика отпустил? Он же «гоп-стоп» совершил.

– Нет, ты погоди, дорогой. Вот его протокол допроса. Он что тут пишет? Мол, я, такой-то, такой-то, вдоволь наевшись плодов демократии, хочу отправиться на зону, вследствие чего совершил грабеж.

– Ну, и что тут такого? Все нормально.

– Извини. У него какой умысел? Не завладение кооперативным имуществом, а чтобы в тюрьму сесть. Улавливаешь разницу? В его действиях нет состава преступления, так как состав преступления предусматривает преступный умысел, а умысел сесть в тюрьму – это пока не преступление. Вот так. Пока.

Волков положил трубку. «Сон про несон, а про несон – сон». Чепуха какая-то. Хотя следак, в общем, прав. Да, хорошо иметь юридическое образование.

– Ну что? – спросил мужик.

– Слушай, ну, ты напорол. Ты что ему там про тюрьму наплел?

– А что?

– Да ничего. Нет, так не пойдет. Давай все сначала. Только натуральнее, без этих слезливых речей о зоне и несчастной жизни. Говори, что живешь отлично, но хотелось бы еще лучше, потому и украл. Схватил, побежал, можешь в морду дать, когда поймают.

– Так вы же говорили, он ребра поломать может?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.